

ЯЗЫКОВЫЕ ЗОНЫ НЕОЛОГИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Понятие неологизма достаточно расплывчато и не поддается однозначной трактовке. Причина этого кроется в разнообразии и наложении друг на друга факторов, определяющих это понятие, а также в отсутствии надежных критериев для его выделения. Во-первых, это касается основного критерия неологизма – временного. Сколько времени живет неологизм? Как долго он воспринимается как новая единица? Общепринятого и разделяемого всеми ответа на этот вопрос нет. Известно, что «новыми» считаются единицы, появившиеся в языке позднее какого-либо временного периода, принятого за исходный. Но этот критерий произвольный, условный и относительный. Так, в 70-е годы «жизнь» неологизма по мнению лексикологов сводилась к 10 годам. Так считал, напр., Л. Гильбер, говоря о лексикографической практике автора «Словаря современных слов» П. Жильбера. Однако, в наше время, отмеченное мощью СМИ и мгновенным распространением языковых инноваций, лингвисты склонны сократить срок, в течение которого новое слово воспринимается как таковое, уже до 5 лет, и даже меньше. Итак, этот критерий относительный.

Следующая трудность определения понятия «неологизм» связана с отграничением его от других типов языковых инноваций. Имеют ли статус неологизма авторский или речевой гапакс, т.е. окказиональное, возможно одноразовое, употребление? Неоднозначно решается и, связанная с предыдущей, проблема терминологических инноваций, которые получают распространение исключительно в специальной среде, оставаясь невостребованными остальной массой говорящих. И напротив, считать ли неологизмом проникающую в общий язык единицу, использовавшуюся до этого лишь в специальной области? Мнения исследователей здесь также расходятся кардинально: одни считают, что слово имеет качество неологизма лишь тогда, когда коллективное сознание реагирует на него как на новое [9], другие же любую инновацию, даже одноразовую, рассматривают как неологизм, дальнейшая жизнь которого может быть как непредсказуемо долгой, так и, наоборот, крайне короткой [10].

Многие известные лексикографы, придающие большое значение социальному аспекту языка, такие, к примеру, как Алэн Рэ, имеют вполне объяснимые причины не наделять окказиональные образования и инновации в специальных языках статусом неологизма и не включать их в словари, что вызвало бы чрезмерное их разбухание и неоправданное смешение единиц разного уровня. Вместе с тем, лексикологи, не связанные практическими соображениями лексикографического характера, ставят иные акценты в исследовании неологии, выдвигая на первый план интерес к самому явлению порождения новой единицы, к механизмам ее функционирования в языке независимо от того, какова будет ее дальнейшая судьба.

В нашем анализе, придерживаясь широкого понимания концепта, мы рассматриваем неологизм как общий термин для обозначения всех видов языковых инноваций и считаем возможным включать в рамки неологии любые отклонения от общепринятого языкового кода, на каком бы уровне эти отклонения ни проявлялись.

Неотъемлемым качеством неологизма считается «ощущение новизны» (*sentiment néologique*), воспринимаемое как на уровне формы, так и на уровне смысла. Однако, это «ощущение новизны» связано прежде всего с языковой интуицией человека – критерием, который также оказывается не всегда надежным. Мнения по поводу «неологичности» той или иной формы достаточно субъективны. Так, в статье «A propos du «sentiment néologique», опубликованной в № 36 журнала *Langages* [2, p.46], констатируется, что среди исследователей «нет и не может быть достигнут консенсус в области создания корпуса исследования», что неологический материал очень разнороден и что коэффициент совпадений в оценке «неологического чувства» крайне низок (2 совпадающих мнения к 17)! Да и само «ощущение новизны» - понятие тоже достаточно относительное: ведь то, что кажется «новым» или «странным» для непосвященных, может не содержать никакой новизны для специалиста. Итак, языковая интуиция – критерий также относительный.

С другой стороны, не более надежна и лексикографическая справка: не все новые единицы, особенно те, которые с легкостью и часто неосознанно создаются по регулярным моделям словопроизводства, «замечаются» и фиксируются в словарях (вспомним в этой связи известный соссюрский пример с прил. «indécorable»). К примеру, словарь отмечает *aborder un virage* и *aborder qqн.*, но может не фиксировать так называемые *termes lacunaires* (формальные неологизмы, образованные на базе потенциальной лексики), а именно: существительные *abordage (d'un virage)* и *abordage (de qqн.)*. Новые единицы могут быть не включены в словарь и по иным причинам: экономия места, осторожность в оценках относительно «живучести» или эфемерности слова, сдержанность в фиксации пейоративно окрашенной части лексики и пр. Итак, «непредставленность в словаре» оказывается также критерием не всегда надежным.

И напротив, слово может быть новым и несмотря на то, что оно уже давно фигурирует в словаре. К примеру, появившиеся не так давно слова *décideur* (1969) и *décisionnaire* (1980) являются результатом современной языковой креативности: они появились независимо от зафиксированных ранее омонимичных форм и имеют мало общего со значением, в котором эти омонимы использовались в 18 веке («*péremptoire*» - «решительный, безапелляционный»).

Впрочем, ссылка на лексикографическую представленность новой единицы может оказаться и просто нерелевантной, поскольку констатация «неологичности» слова или конструкции часто базируется как раз на факте их отсутствия, незафиксированности в словарях [3]. При таком взгляде на неологию получается, что неологизм и не может появиться в словаре, если его определяют как единицу, в нем отсутствующую, а его «жизнь» ограничивается определенным периодом – от его рождения до момента его лексикографической фиксации.

И наконец, однозначно не определен и тот языковой уровень, на котором «вычленима» неологическая единица: идет ли речь об отдельном слове, словосочетании, обороте или о более (или менее) обширных неологических зонах? Луи Гильбер [4], к примеру, отмечал, что понятие новизны иногда может быть связано не только с отдельным словом, но, однако, не рассматривал синтаксические и семантические связи между словами как источник инноваций. А авторы семитомного словаря *Le Nouveau Larousse Illustré* (1898-1907) [7], напротив, еще в конце 19 века указывали, что в основе языковых инноваций могут лежать не только лексико-семантические, но и синтаксические процессы.

Нас заинтересовало, *на каких же языковых уровнях* приводится в действие механизм языковой креативности и в каких формах могут реализоваться разного типа инновации.

Очевидно, что на уровне **лексическом**, в отношении отдельного слова, как простого, так и производного или сложного, опознать неологизм, почувствовать эффект новизны, лежащий в его основе, проще всего: ведь, по сути, любая новая номинация, новая *форма* этим эффектом обладает. Впрочем, когда речь идет о инновациях *семантических* (т.е. при неизменности формы слова), решить вопрос о границах известного и нового оказывается уже более сложно. С какого момента можно и нужно считать, что многозначный знак распался на два омонима? Где проходит граница между неологией и полисемией? Идет ли речь лишь о сдвиге значения у существующей единицы (речь о неологизме тогда не идет), или же о создании и фиксации уже нового смысла, т.е. семантического неологизма – омонима? Отсутствие «морфологической» новизны переносит анализ на уровень фразы, что усложняет ответ на вопрос, следует ли относить новизну означаемого самому знаку, либо она обусловлена исключительно контекстом и выявляема не на лексическом, а на синтаксическом или стилистическом уровне. Очевидно, что вопросы, связанные с семантической неологией, не нашли еще однозначного решения.

Однако, в основе языковых инноваций могут лежать не только лексико-семантические, но и иные процессы, происходящие в сегментах как больших, так и меньших, чем отдельное слово, затрагивая, соответственно, иные языковые уровни – синтаксический и морфологический.

Говорить о неологии **на уровне синтаксиса** можно применительно ко всем случаям конверсии, связанной со сменой категориальной принадлежности единицы, т.е. с явлением чисто синтаксического порядка. В современном языке частотны как отыменные конверсии N - V (*j'angoisse, je crise, je calme, je crampe, je flemme*), так и отадъективные Adj. - V (*je positive*). Отглагольные серии V – N (*la glisse, la gagne*) менее продуктивны. Очевидно, что неологический эффект при создании подобных единиц возникает от ощущения некоторого синтаксического «отклонения».

Синтаксическая деформация как источник неологизмов может быть также связана с различными модификациями исходной конструкции, например, со «сбоем» глагольного управления (типа *se rappeler de qch*). Определенные языковые корпуса (*le branché, реклама, язык молодежи*) демонстрируют явную предрасположенность к таким синтаксическим инновациям, как абсолютное (непереходное, безобъектное) употребление обычно прямо переходных глаголов: *il assure; ça craint* (с изменением значения на «плохо»): реклама: *La Sécu, c'est bien, en abuser, ça craint!*; *je calme (= je me calme)* [8]; *ça donne*: «*Les chaussettes à pois verts avec les pompes roses, ça donne!*» [1, p.138] («носки в зеленый горошек с розовыми ботинками – это клево!»). И напротив, некоторые непереходные глаголы начинают употребляться с прямым дополнением: *ironiser un passage, une scène* [8]; *penser conserves* [11 p. 335].

Нарушение лексической сочетаемости внутри привычной более или менее устойчивой конструкции и проявляющийся при этом «эффект неожиданности» от такой подмены также ведет к появлению синтаксического неологизма. Подобные явления во французской лингвистической традиции получили название «*détournements*», т.е. намеренного отклонения от известного образца. Подчеркнем, что ощущение новизны проявляется здесь лишь при соотнесении с известной конструкцией. Так, например, неологизм «*la désunion libre*» (расторжение гражданского брака) базируется на наличии исходного, уже закрепившегося в языке сочетания *l'union libre*; «*elle me met les nerfs en crue*» или «*en pelotte*» воспринимается «ново» на фоне известного *elle me met les nerfs à vif, en boule*. Сохранены в памяти «одним блоком» и более развернутые исходные конструкции, способность которых к вариативности свидетельствует об их закреплённости в языке, и любые модификации влекут за собой неологический эффект.

Если синтаксические неологизмы могут принимать достаточно развернутую форму, то неологизмы, которые мы называем **морфологическими**, фиксируются на уровне сегментов меньших, чем отдельное слово. Неологический эффект здесь проявляется на *морфемном* уровне и также связан с определенными деформациями, отклонениями от существующей нормы. В качестве примера приведем появление «неправильных» с точки зрения нормы форм женского рода для обозначения ряда профессий (не имеющих этих форм), типа *écrivaine, sculpteuse, professeure, auteure* и пр., где «новизна» фиксируется на уровне словоизменяемых морфем (то есть окончаний). Изменение значения таких существительных, как, например, *les cités, les quartiers, les banlieues* «опасные, криминогенные районы, пригороды», или же *les jeunes* [5] – «молодежь из неблагополучных пригородов, часто выходцы из иммигрантских семей» - также связано исключительно с грамматической модификацией – употреблением их во множественном числе, носителем же этих новых значений здесь становится словоизменяемая морфема «s».

Неологическую активность демонстрируют не только словоизменяемые, но и некоторые словообразовательные морфемы, например, префиксальные. Так, широкое распространение в последнее время приобрело **самостоятельное** использование изначально связанной префиксальной морфемы *ex-* (с притяжательным детерминативом) в

значении «ex-conjoint»: mon ex («мой бывший», «моя бывшая»)(друг, муж, жена, подруга). Этот же лексикализованный префикс встречается в текстах уже и со значением «бывшие политические лидеры»: les ex et le capitalisme (название статьи в Le Monde). Итак, ранее связанная морфема ex-, ставшая новым словом, начинает реализовывать отношения полисемии (или омонимии по отношению к первому значению). Зафиксировано уже и дальнейшее ее семантическое движение, например, для обозначения «бывших коммунистов»: un rassemblement des ex et des re (речь идет о «ex-communistes» et «refondateurs») [10] – здесь по аналогии с «ex-», окказионально лексикализуется и префикс «re-» со значением «реформаторы».

Автономию получает и элемент «psy-», даже не морфема, а просто слог, т.е. единица даже не морфологическая, а фонетическая, поскольку семой, минимальной единицей смысла, является не «psy-», а «psycho-» и ее вариант «psych-». «Psy» - это не простая аббревиатура любого слова, начинающегося с этого слога, поскольку употребляется она исключительно для обозначения врачей, а не их пациентов. «Psy» - это амальгама сразу нескольких врачебных профессий: это может быть и psychologue, psychiatre, psychanalyste, psychotérapeute, и пр. Однако ни psychasthénique, ни psychopathe не может быть назван «un psy».

В определенных лексических корпусах отмечаются также отклонения в функционировании и корневых морфем. Речь идет о «выравнивании» по аналогии корневых морфем глагольных парадигм (пример из песни Renaud: «Dès que les vents tourneront, nous nous en *allerons...*»).

При анализе языковой практики учащейся молодежи (corpus scolaire), предпринятом известным исследователем неологии Ж.-Ф.Саблером [10], были зафиксированы многочисленные глагольные деформации типа *il mourrira, il dépendera, ils vieillissent*. Эти формы – результат действия регулярного механизма образования по аналогии – также являются красноречивыми примерами морфологической неологии в действии.

Морфологическая неология, по сравнению с лексической и синтаксической, представлена в языке довольно скромно, тем не менее, она демонстрирует, что **неологическая активность может затрагивать любые языковые регистры.**

Как мы видим, появление морфологических, равно как и синтаксических неологизмов обусловлено определенной **деформацией** существующей нормы. Возникает предсказуемый вопрос: но ведь эти формы просто ошибочны, это просто ошибка, а не неологизм, как их разграничить? Вопрос о так называемом «ошибочном» неологизме вызывает много споров. Заметим, что морфологические неологизмы - ошибки, присутствующие, например, в «школьном» корпусе, конечно, являются свидетельством недостаточной языковой компетенции. Однако, представляя собой очевидную ошибку, эти формы вовсе не теряют своего статуса неологизма. Впрочем, морфологически неправильные формы выявляются и в других лексических корпусах, таких, например, как художественные тексты и авторские рубрики в прессе, авторские песни. Однако здесь морфологические деформации связаны чаще всего с языковой игрой («un auditeur ayant *audité* ou sachant *auditer*»), а, может быть, и со стремлением «обогащать» язык, восполнив, к примеру, парадигму глагола *close* не существующей в норме формой *passé simple* - «*ils closirent*».

Мы полагаем, что неологизм и ошибка - не взаимоисключающие понятия, ведь, по сути, неологизм и не может быть «правильным», это в любом случае нарушение данного, известного, отклонение от существующей на данный момент нормы (лексической, морфологической, синтаксической), а будет ли «ошибочный» неологизм в дальнейшем принят языковым сообществом может показать только время. Обратим внимание на то, что практически все «ошибочные» неологизмы создаются по регулярным правилам словопроизводства и появляются по аналогии с существующими единицами и моделями. То есть сама система языка делает возможным создание «ошибочного» неологизма:

например, появление ошибочного «dispensable» («что можно не делать») на фоне indispensable, или же использование ошибочных гиперкорректных форм прилагательных «bulgarien» (l'armée bulgarienne), «athéiste» и «zoophilique» (...l'esprit zoophilique qu'incarne Brigitte Bardot ...) - что происходит из желания подчеркнуть их адъективную принадлежность - вместо правильных, но нерегулярных bulgare, athé и zoophile.

Любопытно заметить, что если использование «ошибочных» неологизмов резко осуждается членами языкового сообщества, поскольку эти формы связываются с недостаточной языковой компетенцией говорящих, то намеренное нарушение нормы авторами художественных текстов (так называемая «авторская неология») подчас не только не вызывает отторжения, но напротив, воспринимается как свидетельство мастерства, т.е. высокой языковой компетенции.

Несмотря на возможно ошибочный характер неологизма, если он создан в соответствии с языковыми законами и заполняет существующую лауну или же способствует «выравниванию» нерегулярной парадигмы, он, независимо от оценочных суждений на его счет, имеет все возможности стать узуальной единицей. Вспомним, что многие слова и обороты типа parapluie, paratonnaire, tomber amoureux, façon de faire и пр. когда-то вызвали яростное порицание либо высмеивались как «вульгарные» пуристами 18 века! «В перемещении ошибки в ложе нормы роль узуса невозможно переоценить», - утверждает исследователь современной языковой манеры П. Мерль [6], приводя в качестве примера суц. entrecôte, изначально мужского рода, которое именно под нажимом узуса поменяло родовую принадлежность и стало употребляться в женском роде: une entrecôte. Объяснение вполне логично: ведь если говорят *une* côte, так почему же *un* entrecôte? Налицо – выравнивание по аналогии, в результате которого изначально «ошибочное» une entrecôte становится нормой и фиксируется в словарях. В 1993 году во Франции были приняты и некоторые официальные изменения в орфографии, закрепляющие реальный узус и наделяющие статусом нормы многие ранее «ошибочные» употребления (напр.: il cèdera и пр.).

Сформулируем краткие выводы к вышеизложенному:

1. При определении неологизма должны приниматься во внимание разные факторы, способные подчас вступать между собой в противоречие - фактор временной, лексикографической, личностной, индивидуальный-узуальный и пр. Разница в подходах и в оценке концепта не свидетельствует о его несостоятельности, напротив, она делает его релевантным, выявляя сложную и неоднозначную природу этого понятия.
2. При широком понимании концепта в рамки неологии может быть включен любой элемент, демонстрирующий на любом уровне любое отклонение от известного и предсказуемого употребления.
3. Предпринятая попытка выработки критериев выявления неологических единиц на различных языковых уровнях подводит к выводу о существовании континуума языковой креативности.
4. Неологическое пространство может включать единицы, разные по структуре и форме, от минимальных, в виде морфем, до развернутых синтаксических единств.
5. Судьба неологизма непредсказуема, «отклонение» и «ошибка» со временем может войти в узус и стать нормой.

Литература:

1. Brunet S. Les mots de la fin du siècle. – P. : Belin, 1996. – P.335.
2. Gardin B., Lefèvre G., Marcellesi Ch., Mortureux M.-F. A propos du « sentiment néologique » // Langages. La néologie lexicale. – P. : Didier-Larousse, 1974. № 16. – P. 45-52.
3. Guilbert L. Grand Larousse de la langue française. – P. : Larousse, 1971-1978.

4. Guilbert L. La néologie scientifique et technique // La Banque des mots. – P., 1971. № 1. – P. 45-54.
 5. Merle P. Précis de français précieux au XXI-e siècle. - P. : La Renaissance du livre, 2002.
 6. Merle P. Le français mal-t-à-propos. – P. : L'Archipel, 2007. – P. 41.
 7. Nouveau Larousse illustré, en 7 volumes. – P. : Larousse, 1898-1907.
 8. Pruvost J., Sablayrolles J.-F. Les néologismes. P. : PUF, 2003.
 9. Rey A. Néologisme : un pseudo-concept ? // Cahiers de lexicologie. – P., 1976. 28, № 1. – P. 8-10.
 10. Sablayrolles J.-F. La néologie en français contemporain. P. : Champion, 2000.
- Walter H. Le français dans tous les sens. – P. : R. Laffont, 1988